

НѢСКОЛЬКО НЕДѢЛЬ ПРИ РУССКОМЪ ДВОРѢ

въ 1846 году.

Послѣ смерти извѣстнаго нѣмецкаго писателя Ф. В. Гаклендера, послѣдовавшей въ началѣ истекшаго года, издана его автобіографія подѣ заглавіемъ «Романъ моей жизни» (Der Roman meines Lebens). Жизнь этого замѣчательнаго беллетриста, любимца нѣмецкой публики, сложилась дѣйствительно довольно романически. Не получивъ почти никакого образованія, сынъ бѣднаго учителя, онъ, не имѣя никакой подготовки, ни практической, ни ученой, пробовалъ свои силы на всѣхъ возможныхъ поприщахъ: былъ купеческимъ прикащикомъ, конторщикомъ, солдатомъ, актеромъ и кончилъ писателемъ, бывъ долгое время секретаремъ наслѣдника вюртембергскаго престола, нынѣшняго короля. Въ этомъ качествѣ онъ находился въ свитѣ принца при поѣздкѣ его въ Россію для бракосочетанія съ великою княжною Ольгою Николаевною. Эта поѣздка описана Гаклендеромъ въ его автобіографіи довольно подробно. Эпизодъ этотъ содержитъ нѣкоторыя подробности, которыя прочтутся читателями «Русской Старины», можетъ быть, не безъ любопытства, тѣмъ болѣе, что авторъ, по видимому, рассказываетъ безпристрастно и правдиво о всемъ томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Россіи.

Павелъ Ч—ковъ.

«Въ началѣ апрѣля 1846 г. императрица выѣхала изъ Палермо во Флоренцію, куда отправился и наслѣдный принцъ, чтобы ѣхать совмѣстно съ невѣстою черезъ Венецію въ Зальцбургъ, куда намѣревались прибыть король и королева вюртембергскіе, чтобы познакомиться съ будущею невѣстою». Послѣ этого свиданія, которымъ обѣ стороны остались очень довольны, императрица отправилась съ великою княжною черезъ Берлинъ въ Петербургъ. «Въ половинѣ іюня мы отправились въ Россію (говоритъ Гаклендеръ) съ кронпринцемъ, въ свитѣ котораго находились: генералъ Шницембергъ, лейбъ-медикъ фонъ-Гердегъ, Берлихингенъ и принцъ Гуго фонъ-Гогенлоэ-Эрингенъ, первый адъютантъ его высочества. Въ Свинемюнде мы нашли русскій паровой корветъ «Грозисій» (Krosiasztschy!), посланный императоромъ на встрѣчу будущему зятю. Корветъ, въ честь высокаго гостя, былъ очень изящно убранъ и снабженъ хоромъ музыки, которая очень часто играла. Будучи пощаженъ морскою болѣзнию, я любовался интереснымъ движеніемъ и жизнью на суднѣ, радостно уповая увидѣть скоро сѣверъ Европы. 26-го іюня, на второй день пути, мы увидѣли множество парусныхъ судовъ, которыя офицеры приняли за русскую эскадру. Такъ какъ назначеніе ея было неизвѣстно, то начали телеграфировать посредствомъ флаговъ и дали

знать эскадрѣ, что на «Грозящемъ» находится кронпринцъ. Эскадра отвѣтила, что прислава привѣтствовать его. Черезъ нѣсколько часовъ мы достигли судовъ. То была первая дивизія, состоявшая изъ 9-ти линейныхъ кораблей, подъ начальствомъ адмирала Лазарева. Прекрасныя суда стояли въ боевой линіи—картина величественная и весьма красивая. На нашемъ судѣ подняли флагъ съ виртембергскимъ гербомъ, который салютовали 21-мъ выстрѣломъ съ каждаго судна. Я ничего подобнаго не видалъ; зрѣлище представляло картину настоящаго морскаго сраженія.

«28-го іюня мы приблизились къ Ревелю и встрѣтили у этого острова (sic) бригъ, который долженъ былъ дать знать о прибытіи принца въ Петергофъ, гдѣ находилась императорская фамилія.

«Того же числа мы прибыли въ Кронштадтъ и были привѣтствуемы пушечными выстрѣлами со всѣхъ судовъ и батарей. Вскорѣ прибыла изящная яхта императора; на ней находились генералъ-адъютантъ баронъ Ливень и флигель-адъютантъ князь Васильчиковъ, прикомандированные въ свиту кронпринца. Въ семи верстахъ отъ Петергофа, наконецъ, мы увидѣли пароходъ, на которомъ находились его величество, государь наследникъ, великіе князья Михаилъ и Николай, герцогъ Лейхтенбергскій и принцъ Петръ Ольденбургскій. Интересно было видѣть государя Николая, этого красавца съ величественною осанкою, стоявшаго у самаго бугшприта, держась лѣвою рукою за мачту, махая ласково правою, и громко, звучно здороваясь словами: «bon jour, mon garçon».

«Минута эта была для кронпринца не совсѣмъ легкая, ибо, только что оправясь отъ морской болѣзни, онъ долженъ былъ надѣть непривычный мундиръ пожалованнаго ему полка нижегородскихъ драгунъ, одного изъ самыхъ храбрыхъ и дикихъ (?) всей арміи, одѣтаго по черкесски (?); но все сошло очень хорошо; императоръ и великіе князья привѣтствовали и обнимали его самымъ дружескимъ образомъ и собравшійся на берегу народъ встрѣтилъ его громкимъ, восторженнымъ привѣтомъ.

«Характерный костюмъ русскихъ, богатая и своеобразная одежда офицеровъ и чиновниковъ, упряжь открытыхъ экипажей, особенно троёкъ, и надъ всѣмъ этимъ легкій, но не непріятный для обонянія запахъ юфты:—все это не могло не поразить меня на первыхъ порахъ».

Авторъ описываетъ Петергофъ, который ему очень понравился.

«Въ одномъ отдѣльномъ домѣ простаго стиля помѣстили кронпринца со свитою. Наши комнаты были меблированы просто, но снабжены всѣмъ необходимымъ и даже купальнею. Русскій дворъ не имѣлъ собственной кухни; объѣдомъ снабжали поставщики, бравшіе по 25-ти франковъ за кувертъ,—цѣна ужасно дорогая, но за то предприниматель долженъ былъ всегда быть наготовѣ противъ всякихъ случайностей, ибо императрица часто, въ самую минуту объѣда, назначала какой нибудь отдаленный дворецъ или какое ни-

будь прелестное мѣстечко для сервировки и потому опять отиѣняла такое назначеніе, а императоръ послѣ удавшагося парада нерѣдко приглашалъ къ обѣду въ тотъ же день всѣхъ бывшихъ на парадѣ офицеровъ. Кухня была отличная и здѣсь мнѣ понравилась такъ называемая закуска «Тертуска» (Tertuska?), состоящая изъ икры, сардинокъ, анчоусовъ, которую вмѣстѣ съ разными ликерами и водками разносили передъ обѣдомъ. Намъ, приглашеннымъ, предоставлялось на выборъ—обѣдать или за большимъ маршальскимъ столомъ въ петергофскомъ дворцѣ или у себя на квартирѣ; въ такомъ случаѣ напитки отпускались особо, а именно каждодневно по 12-ти бутылокъ вина (?) на персону, въ томъ числѣ и шампанское, портеръ и ликеръ; все это оставалось въ пользу прислуги, которая, исключая шампанское, пропивала или продавала вино; шампанское, не выпитое мною, я ставилъ въ сторону и въ короткое время набралось около ста бутылокъ (!). Въ такихъ размѣрахъ, какъ кухня и погребъ, было и все прочее, на всемъ отпечатокъ староазіатской пышности и роскоши. Для каждаго изъ насъ были наготовѣ, днемъ и ночью, экипажи съ придворными лакеями.... Кромѣ придворныхъ, было еще тогда въ Петергофѣ 1,700 наемныхъ экипажей, и число конныхъ лакеевъ было огромно.

Мнѣ приходилось нерѣдко ѣздить въ Петербургъ съ порученіями принца; тогда запрягали для меня легкій купе въ 4 лошади. У заставы меня записывали Prinzke Secretar Württembergсажо (!). Однажды мнѣ пришлось въ одинъ и тотъ же день съѣздить три раза въ Петербургъ; вечеромъ штабмейстеръ императора фонъ-Гохштеттеръ оказалъ мнѣ смѣясь: «сегодня записано на ваше имя 48 лошадей». Принцъ Гогенлоэ, бывший при этомъ, трунилъ надо мною и замѣтилъ, что я употребляю во зло гостепріимство (двора). Но каково было его негодованіе, когда Гохштеттеръ сообщилъ ему, что для него, не отлучавшагося въ тотъ день изъ Петергофа, было потребовано 12 лошадей! Забавно было негодованіе лакея, когда я однажды поздно ночью потребовалъ перекусить чѣмъ нибудь холоднаго; онъ отвѣтилъ: «этого не имѣется; вашей милости подадутъ сейчасъ цѣлый ужинъ».

Генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ, прикомандированный къ кронпринцу, былъ высокій худощавый мужчина, съ черными волосами и бородою (?); цвѣтъ лица его былъ блѣдный, немного желтоватый, глаза живые, черты лица тонкія и уныныя. Онъ былъ очень расположенъ ко мнѣ и, уходя по утрамъ отъ кронпринца, онъ заходилъ ко мнѣ, и, садясь на край стола, курилъ папирсы. Зная хорошо всѣхъ придворныхъ, онъ рассказывалъ охотно и очень интересно.... Авторъ упоминаетъ и о прусскомъ принцѣ (нынѣ императоръ Вильгельмъ), которому онъ былъ извѣстенъ уже въ Берлинѣ, и отзывается о немъ съ любовью и признательностью за его доброту и расположеніе къ себѣ. Однажды, когда Гагендеръ находился у принца Вильгельма, прибѣжали къ нему молодые великіе князья Михаилъ и Николай въ простомъ

солдатскомъ мундирѣ. «Они бросились къ дядѣ, начали его цѣловать, пожимать его руки, и принимались взлѣсть на него, не переставая ласкать его, не смотря на то, что принцъ, смѣясь, раза два прикривнулъ на нихъ: «теперь довольно; оставьте меня въ покоѣ!» Напрасно. Они все кружились около него. Тогда онъ выпрямился и скомандовалъ: «смирно! на право кругомъ! маршъ!» указавъ на дверь; тогда только великіе князья удалились параднымъ шагомъ».

«Однажды была охота на волковъ и медвѣдя. Звѣри содержались въ большихъ клѣткахъ вблизи Петергофа. Волки были очень дики, медвѣдь же, не очень большой, сиди на заднихъ лапахъ, «служилъ» охотно, если ему давали сахаръ, и позволялъ гладить себѣ голову и лапы такъ добродушно, что мы всѣ были убѣждены, что онъ ручной. На охотѣ прусскій принцъ застрѣлилъ его. На другой день я его посѣтилъ и когда онъ сказалъ: «поздравьте меня, я вчера застрѣлилъ медвѣдя», то я смѣючись отвѣтилъ ему: точно такъ, ваше высочество, но звѣрь былъ ручной, мы кормили его сахаромъ и гладили по головѣ. Принцъ, нисколько не обидясь, отвѣтилъ, добродушно смѣясь: «сказать правду, скверно, что меня заставили застрѣлить ручнаго медвѣдя; но всѣ знаютъ, что я умѣю справиться и съ дикимъ».

«Въ свитѣ прусскаго принца находился между прочими и ротмистръ фонъ-Вицлебенъ, сынъ бывшаго военнаго министра, большой весельчакъ, шутникъ и острякъ. Онъ жилъ въ такъ называемомъ англійскомъ дворцѣ. Въ нижнемъ этажѣ дворца жилъ канцлеръ Нессельроде, а въ бельэтажѣ фельдмаршалъ Паскевичъ, которымъ, конечно, никакого дѣла не было до прусскаго ротмистра. Адмиралъ Литке спросилъ его однажды: «какъ вы поживаете на вашей квартирѣ, любезный Вицлебенъ?» Вопросаемый, пожимающъ плечами, отвѣтилъ: «Квартира, в. н—ство, сама по себѣ не дурна, жалко только, что мнѣ ночью не даютъ покою». Какъ это такъ? «Да вотъ какъ: только что начну я засыпать—отворяется дверь и входитъ ко мнѣ то г. канцлеръ, чтобы разговаривать со мною о русскихъ дѣлахъ, то фельдмаршалъ Паскевичъ, чтобы узнать мое мнѣніе о Польшѣ: честь, конечно, великая, но ночной покой—вещь болѣе пріятная». Всѣ хотѣли, особенно потому, что шутникъ рассказывалъ подобныя исторіи очень серьезно».

«Нѣсколько дней спустя было какое-то празднество въ Петергофѣ, на которомъ императоръ не присутствовалъ. Императрица сидѣла на очень низкомъ креслѣ. Она приказала князю Паскевичу позвать къ себѣ Вицлебена. Справившись ласково о его здоровьѣ, ея величество съ серьезною миною сказала ему: «что касается вашего спокойствія ночью, любезный Вицлебенъ, я просила Нессельроде и Паскевича, чтобы они впредь не тревожили васъ». Всякій другой, на его мѣстѣ, сконфузился бы, но Вицлебенъ, низко кланяясь, отвѣтилъ: «благодарю всеподданнѣйше ваше величество за это новое доказательство высочайшей благосклонности и милости!»

Императрица часто бесѣдовала съ авторомъ и предлагала ему разные неожиданные вопросы. Его часто приглашали въ Александрію, гдѣ онъ имѣлъ случай удивляться простотѣ и задушевности жизни царской семьи.

1-го (13-го) іюля происходило бракосочетаніе кронпринца съ великою княжною Ольгою Николаевною въ петергофской церкви въ присутствіи лишь царской фамиліи и ближайшихъ придворныхъ, въ томъ числѣ и автора. Пышность обстановки была почти подавляющая; вездѣ серебро, золото и брилліанты.... Цѣлые милліоны на маломъ пространствѣ.... Тѣмъ проще, почти бѣднымъ казалось послѣдовавшее затѣмъ вѣчаніе по лютеранскому обряду. Потомъ былъ большой банкетъ, на которомъ однако царская фамилія не присутствовала.... Авторъ былъ, при случаѣ, представленъ императору Николаю и находить, что его личность самая величественная изъ всѣхъ, какія ему приходилось видѣть въ Европѣ. «При разговорѣ съ его величествомъ случилось нѣчто ужасное, а именно, что я, смутясь, на сдѣланный мнѣ по французски вопросъ: «какъ долго находились вы въ военной службѣ въ Пруссіи?» отвѣчалъ по нѣмецки, послѣ чѣго императоръ—что было очень чрезвычайно—продолжалъ разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ, на которомъ превосходно изъяснялся. Но что я, не смотря на то, не произвелъ на него дурнаго впечатлѣнія, о томъ я узналъ черезъ нѣсколько дней отъ кронпринца, при одномъ случаѣ, поводъ къ которому заставилъ меня призадуматься. Съ извѣстной стороны было въ Штутгартѣ поручено русскому генералъ-адъютанту князю Купфцелю, прибывшему въ Россію по случаю бракосочетанія кронпринца, въ разговорѣ съ императоромъ возбудить недовѣріе его ко мнѣ, что и было имъ исполнено, ибо императоръ говорилъ о томъ съ кронпринцемъ, причемъ отзывался неодобрительно о способѣ заподозрѣвать людей не приводя доказательствъ, и присовокупилъ къ сему нѣсколько благосклонныхъ словъ о моей личности».

Авторъ рассказываетъ, какъ пріятно они проводили время въ Петергофѣ до бракосочетанія принца, какъ гуляли и ѣздили по его окрестностямъ. Въ полдень бывалъ парадъ при хорошей музыкѣ, на который часто пріѣзжалъ императоръ въ простомъ шарбанѣ, правя самъ, вмѣстѣ съ императрицею и съ молодою четою. Онъ описываетъ, далѣе, вступленіе кадетовъ въ лагерь. «Это была настоящая милиютская армія, по выраженію императора, состоявшая изъ 2,000 дѣтей и юношей отъ 8-ми до 18-ти лѣтъ, всѣ въ мундирахъ и при оружіи, отчасти верхомъ, а именно: эскадронъ драгунъ съ пиками (?)—это юнкерская школа, нѣсколько взводовъ черкесовъ, потомъ Пажескій корпусъ, артиллерія съ маленькими пушками и, наконецъ, нѣсколько баталіоновъ пѣхоты. Посреди всѣхъ проѣхъ маршировали и юные великіе князья Николай и Михаилъ. Прибывъ въ лагерь, они сложили оружіе. Между тѣмъ прибылъ императоръ съ великими княжнами Ольгою и Маріею въ лагерь и вслѣдъ за тѣмъ кадеты стремительно бросились къ экипажу Нико-

лая Павловича, который здоровался и вступалъ смѣясь въ разговоръ съ маленькими солдатами и обходился съ ними какъ отецъ съ своими дѣтьми. Зрѣлище было по-истинѣ привлекательное и я увѣренъ, что никто изъ этихъ дѣтей не забылъ благодушія и любви своего государя».

Послѣ бракосочетанія происходили разныя празднества, парады, маскарады и приѣмъ Ольгою Николаевной разныхъ высшихъ чиновъ гвардіи и чиновъ гражданского вѣдомства. Приѣмъ продолжался два часа, всѣ представляемые подходили къ ея рукѣ, при чемъ кронпринцесса до того устала, что чуть не потеряла сознание.

Находясь въ Петербургѣ, авторъ осматривалъ всѣ достопримѣчательности, о которыхъ отзывается съ удивленіемъ и рассказываетъ слѣдующій забавный случай. «При одномъ изъ парадовъ присутствовалъ старый прусскій генералъ Меллендорфъ; когда парадъ кончился, генералъ подошелъ къ одному офицеру и сказалъ ему вслухъ:

— «Благодарю васъ, г. поручикъ; вы исполнили вашу трудную задачу, къ моему удивленію, отлично; да сохранитъ Господь вамъ этотъ шагъ».

«Когда онъ увидѣлъ, что нѣкоторые изъ присутствующихъ улыбнулись, то присовокупилъ очень важно:

— «Господа! не смѣйтесь, такой шагъ—даръ Божій!»

«Кронпринцъ и прусскій принцъ квартировали въ Зимнемъ дворцѣ. Последний сообщалъ мнѣ, что въ средѣ легковѣрныхъ и суевѣрныхъ людей существуетъ преданіе, будто въ тронномъ залѣ появляется императоръ Павелъ, ходя по залу или возсѣдая на престолѣ. Принцу Вильгельму пришлось однажды почти подтвердить эту бредню, ибо «послѣ какого-то праздника (разсказывалъ онъ), продолжавшагося до глубокой ночи, я шелъ черезъ залъ, слабо освѣщенный луною, въ свою комнату, вслѣдъ за лакеемъ, несшимъ зажженую свѣчку. Вдругъ онъ вскрикнулъ, уронилъ подсвѣчникъ и убѣжалъ; я, пораженный этимъ, оглянулся и увидѣлъ на тронѣ какую-то фигуру въ красной съ галунами одеждѣ, которая, когда я сталъ къ ней приближаться, немедленно скрылась».... На другой день оказалось, что на тронѣ спалъ лакей, сѣвшій отдохнуть отъ усталости».

Автора очень поразила своею красотой, пышностью и богатствомъ Исакиевскій соборъ. Петергофская иллюминація также привела его въ восторгъ, какъ и смотръ флота въ Кронштадтѣ.

Авторъ покинулъ Россію 9-го сентября того же года съ сожалѣніемъ, проведши въ ней столько пріятныхъ дней и нашедши тамъ много друзей....

Сообщ. П. А. Чумиковъ.